

Научная статья
УДК 82.091+ 821.161.1
doi: 10.17223/24099554/17/3

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ РОМАНА А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

Наталья Александровна Тик

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, tiknataly@yandex.ru*

Аннотация. Предпринимается анализ двух ранних переводов пушкинского романа на итальянский язык (L. Delâtre, A. Besobrasoff); раскрываются и описываются аспекты оригинального текста, подвергающиеся переводческим трансформациям (жанровая дефиниция, структурная организация, лексико-стилистический уровень); на основании выявленных отклонений определяются особенности, характерные для раннего этапа итальянской рецепции романа. Также рассматривается взаимосвязь переводческой и литературно-критической рецепции данного периода.

Ключевые слова: Л. Делатр, А. Безобразова, «Евгений Онегин», пушкиноведение, художественный перевод, русско-европейские литературные связи

Для цитирования: Тик Н.А. Первые переводы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на итальянский язык // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 60–78. doi: 10.17223/24099554/17/3

Original article
doi: 10.17223/24099554/17/3

THE FIRST TRANSLATIONS OF ALEKSANDR PUSHKIN'S *EUGENE ONEGIN* INTO ITALIAN

Natalia A. Tik

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
tiknataly@yandex.ru*

Abstract. The article analyses two early translations of Aleksandr Pushkin's *Eugene Onegin* into Italian. The first Italian critics of *Eugene Onegin* in the

19th century (Cesare Boccella, Enrico Montazio, Carlo Tenca) were convinced that the novel was weak and did not deserve to be translated. However, two translations appeared in the 19th century. The first translation of 1856 belongs to Louis Delâtre, a Frenchman who assimilated in Italy. Delâtre visited Russia, where he met Pyotr Vyazemsky, whose stories about Pushkin inspired Delâtre to translate five of Pushkin's works, including *Eugene Onegin*. The second translation was published in 1858 under the pseudonym A. B., currently attributed to A. Besobrasoff – Anna Ivanovna Bezobrazova, a Russian noblewoman. Comparing the original and the translations, the author identifies and describes the aspects of the original subject to translation shifts (genre definition, structure, lexical and stylistic levels) and determines the specificity of the early Italian reception of the novel. *Louis Delâtre*. The translation of poetry into prose, the rearrangement of fragments within the text, the reduction of “useless details” (including significant structural elements of the original), the addition of notes, the replacement of Russian realities with Italian equivalents reveal an orientation towards greater clarity and ease of perception. The change in the style of the original and the focus on the Italian literary tradition indicate the identification of a foreign work through the prism of Italian culture. The factors stated above are indicative of the adaptation and orientation towards an unprepared reader, who is not familiar with a foreign culture. Delâtre acts within the framework of the historically conditioned norms of translation practice, whose task at this stage is to bring the original closer to the reader, to facilitate his acquaintance with a foreign text. *Anna Besobrasoff*. On the one hand, the focus on the “plot”, the search for Italian equivalents, the addition of notes and descriptions are also characteristic of a historically conditioned adaptive translation strategy. On the other hand, literal translation, style neutralization, elimination of a specific group of “useless details” are rather typical of the translator's individual reception, probably a consequence of the student's goal of translation, the translator's desire to “practice the beautiful Italian language.” Both translations did not attract the attention of literary criticism and did not significantly influence the formation of the idea of *Eugene Onegin* in Italy at an early stage. The first Italian translations were more an accident rather than a regularity, since they stemmed from the translators' personal interest in the novel, rather than a request from the recipient culture. This can be confirmed by the date of the next translation – it appeared only in 1906.

Keywords: L. Delâtre, A. Besobrasoff, *Eugene Onegin*, literary translation, Pushkin studies, Russian-European literature connections

For citation: Tik, N.A. (2022) The First Translations of Aleksandr Pushkin's *Eugene Onegin* Into Italian. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 17. pp. 60–78. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/17/3

Интерес современной гуманитарной науки к диалогу культур, проблемам перевода и компаративистики, русско-европейским литературным связям обуславливает появление большого количества работ, посвященных западноевропейской рецепции творчества А.С. Пушкина, в том числе итальянской. Рецептивная история романа «Евгений Онегин» в Италии привлекает внимание исследователей, однако в настоящее время большинство работ посвящено переводам, выполненным в XX в., ранние переводы и критические работы XIX в. еще не становились предметом комплексного изучения¹. Между тем для воссоздания целостной картины восприятия и функционирования романа в стихах в итальянском культурном пространстве возникает необходимость в обращении к раннему этапу его рецепции.

В статье предпринимается анализ двух первых переводов пушкинского романа на итальянский язык (L. Delâtre [2], A. Besobrasoff [3]), цель которого – выявить и описать аспекты оригинального текста, подвергающиеся переводческим трансформациям, и на основании выявленных отклонений определить особенности, характерные для раннего этапа рецепции романа. Кроме того, в работе анализируется взаимосвязь переводческой и литературно-критической рецепции, а также степень влияния переводов Л. Делатра и А. Безобразовой на дальнейшую рецептивно-переводную историю «Евгения Онегина».

Прежде чем сосредоточиться на переводах, необходимо обратиться к предшествующим им итальянским литературно-критическим работам. Одним из первых о пушкинском романе высказывается итальянский поэт Чезаре Боччелла: в 1841 г. он публикует сборник своих переводов «Четыре главных поэмы Александра Пушкина, русского поэта» [4], «Евгений Онегин» в состав сборника не входит, однако в предисловии Боччелла дает характеристику роману в стихах и объясняет, почему он оказался исключенным из сферы его переводческих интересов. Заявляя о том, что лучшее, когда-либо Пушкиным написанное, – это поэмы «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник», «Евгению Онегину» переводчик дает следующее определение: «...живописание нравов провинции, весьма далеких от утонченности нравов больших городов <...> вещь сугубо местная, которая никогда не могла бы представить ин-

¹ Отдельные работы, посвященные этой теме, см.: [1].

тереса для публики, не знакомой с Россией» (цит. по: [5. С. 60–61]). Боччелла кратко пересказывает сюжет романа, исказив его и обобрав на «пророческой» сцене дуэли Онегина и Ленского, повторившейся в жизни самого Пушкина. Также он сообщает, что последние главы «Онегина» значительно слабее первых – в связи с угасанием дара Пушкина вследствие его женитьбы. Характеризуя тот или иной факт биографии и творчества автора романа в стихах, Боччелла часто оговаривается: «по мнению многих», «по сведениям из надежных источников» – вероятнее всего, переводчик формировал свое представление о Пушкине по рассказам русских знакомых поэта (М.А. Голицыной, А.М. Горчакова, гр. Е. Шереметевой и др.)¹.

В 1842 г. о «Евгении Онегине» упоминает Э. Монтацио в статье «Биография Александра Пушкина, русского поэта» [7]. Несмотря на то что критик достаточно подробно и точно пересказывает сюжет «Евгения Онегина», его восприятие и оценка романа основываются на мнении предшественника – статья повторяет основные положения предисловия к «Четырем главным поэмам...» Ч. Боччеллы. На предисловие Боччеллы опирается в своих суждениях и К. Тенка², в 1852 г. охарактеризовавший роман в стихах следующим образом: «поэмка, которую можно назвать длинной эпиграммой, направленной против любви» (цит. по: [8. С. 67]).

Таким образом, первые итальянские литературные критики, обратившиеся к пушкинскому роману, пребывают в убеждении, что это слабое произведение, не заслуживающее быть переведенным.

Тем не менее два перевода «Евгения Онегина» на итальянский язык в XIX в. все же появляются. Первый перевод 1856 г. принадлежит Луиджи Делатру, французу, ассимилировавшемуся в Италии, знакомому П.А. Вяземского. Беседы с Вяземским о Пушкине вдохновили Делатра на перевод пяти пушкинских произведений, объединенных в сборник «Поэтические рассказы Александра Пушкина, русского поэта». Второй перевод был опубликован в 1858 г. под псевдонимом А.В., в настоящее время атрибутированным

¹ Об этом подробнее см.: [5, 6].

² Литературный критик, представитель итальянского Рисорджименто. Подробнее о деятельности К. Тенки см.: [8].

A. Besobrasoff – Анне Ивановне Безобразовой (в девичестве Сухозанет), русской дворянке.

Анализ текстов переводов следует начать с предисловных им предисловий, чтобы выявить установки переводчиков и далее проследить, каким образом положения, декларированные во вступительных статьях, реализуются непосредственно в текстах переводов.

Перевод Делатра – один из немногих ранних итальянских переводов, выполненных непосредственно с русского, без посредничества французского языка. В предисловии Делатр рассуждает об общности большинства европейских языков и дает итальянскому читателю краткие справочные сведения о русском языке. Большая часть предисловия – это очерк историко-биографического характера, который переводчик сопровождает цитатами из писем, заметок Пушкина, свидетельствами его друзей и знакомых (например, воспоминаниями В.А. Жуковского и В.И. Даля о последних часах смертельно раненого Пушкина). Делатр ставит русского поэта в один ряд с такими гениями европейской литературы, как Шиллер, Гете, Байрон, Мур, Манзони, Ламартин и Гюго, а также отмечает новаторское значение поэзии Пушкина для русской литературы.

Оценка Делатром романа в стихах отличается от единогласно принятой итальянскими критиками: по мнению переводчика, «Евгений Онегин» – «самое прекрасное создание пушкинской Музы» (здесь и далее перевод мой. – Н.Т.) [2. Р. XIV]¹, а его последние главы «произвели фурор» [2. Р. XIV].

Заключительная часть предисловия посвящена переводческим принципам Делатра. Переводчик предупреждает читателя, что в отличие от переводов с греческого и латинского языков, которые требуют абсолютной точности, поскольку представляют, в первую очередь, интерес для науки, переводы современных авторов в такой точности не нуждаются, поэтому Делатр считает себя вправе изменять текст, чтобы адаптировать его для читающей публики. Он опускает или добавляет эпитеты, раскрывает смысл там, где автор на него только намекал, меняет логику повествования и намеренно опускает «некоторые бесполезные небольшие фрагменты, которые

¹ Итал.: «questo poema viene stimato il più bel parto della musa di Puschin».

препятствуют ходу рассказа» [2. Р. XXVIII]¹. В качестве примера такого «бесполезного фрагмента» Делатр приводит подстрочный перевод пушкинских строк «И вот уже трещат морозы / И серебрятся средь полей... / (Читатель ждет уж рифмы розы, / На, вот, возьми ее скорей!)», дает транслитерацию слов «розы» и «морозы» [2. Р. XXVIII]² и доводит до сведения читателя, что изящество данного стиха, звучащего по-русски, невозможно передать итальянским переводом, поэтому он предпочел вовсе опустить этот фрагмент.

Такая установка объясняется господствующей вплоть до середины XIX в. общеевропейской переводческой тенденцией к национальной адаптации оригинала. Переводчики не стремились передать эстетические и стилистические черты подлинника, первоочередная задача перевода сводилась к тому, чтобы донести смысл оригинального произведения в наиболее приемлемой и ожидаемой для читателя форме.

Анна Безобразова в кратком предисловии к своему переводу сообщает итальянскому читателю, что роман в стихах «не принадлежит к числу выдающихся произведений Пушкина» [3. Р. I]³ но переводчица осознает сложности, которые могут возникнуть при переводе «национальных» произведений и поэтому выбирает «Онегина», герои которого «могут принадлежать к любой цивилизованной нации: так что сюжет должен восхищать иностранца так же, как и русского; и поддаваться переводу, не теряя своей исконной прелести» [3. Р. I-II]⁴ (ср. с суждением Бочеллы о сугубо местном значении романа). Помимо намерения познакомить итальянскую публику с творчеством Пушкина, переводчица преследует еще одну цель: «поупражняться в прекрасном итальянском языке» [3. Р. II]⁵, изучением которого она занимается.

¹ Итал.: «alcuni piccoli tratti inutili che facevano inciampo all' andatura del racconto».

² Итал.: «In russo morosui. In russo rosui».

³ Итал.: «Questo romanzo non è già una delle grandi opere di Pusckine».

⁴ Итал.: «possono appartenere a qualunque nazione inciviltà: quindi l'argomento debbe porger diletto ad uno straniero del pari che a un Russo; e prestarsi alla traduzione senza perdere tutta la sua grazia natia».

⁵ Итал.: «per esercitarmi nella bella lingua italiana».

Теперь обратимся непосредственно к переводам. Чтобы исключить переводческие трансформации текста, связанные с несовпадением текстового состава в разных редакциях оригинала, необходимо выяснить, какими редакциями пользовались Делатр и Безобразова. Теоретически переводчикам было доступно пять редакций романа: поглавная (1825–1832 гг.) и четыре полных (1833, 1837, 1838, 1855 гг.). Сопоставление переводов с данными редакциями позволяет предположить, что в распоряжении обоих переводчиков была редакция 1838 г. (этот вопрос подробнее будет рассмотрен далее в статье). Выявленные в результате сравнительного анализа переводческие трансформации касаются следующих аспектов оригинального текста: жанровая дефиниция, структурная организация, лексико-стилистический уровень.

Жанровая дефиниция и выбор формы для перевода

L. Delâtre

«Евгений Онегин» выходит в составе сборника «Поэтические рассказы Александра Пушкина, русского поэта», в который кроме романа в стихах переводчик включает поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» и «Полтава». Делатр обозначает на титульном листе общий для всех произведений сборника жанровый подзаголовок «*Racconti poetici*» (поэтические рассказы), а в предисловии называет выбранные произведения поэмами. Переводы «поэм» выполнены в прозе. Однако в «Евгении Онегине» дважды появляется стихотворный перевод: Делатр переводит стихами «Песню девушек» и стихи Ленского, написанные накануне дуэли. В переводе Делатра эти стихотворные фрагменты подвергаются некоторым трансформациям. В «Песне девушек» меняется метр и ритм оригинала, добавляется заключительная часть:

L. Delâtre: Il canto dolce / Le pene molce; / Al cuor che geme / Rende la speme; / I voti appaga; / Sana ogni piaga. / Cantiam, cantiamo! [2. Р. 122–123].

Подстрочный перевод: Сладкая песнь / Смягчает боль / Сердцу, которое плачет, / Дает надежду; / Просьбы удовлетворены; / Исцелена всякая болезнь / Поем, поем!

Вероятно, переводчик, облекая пушкинский текст в знакомую ему форму итальянской поэтической культуры, попадает под воздействие ассоциативной памяти этой формы, и перевод начинает воспроизводить мотивы некоего итальянского текста. То же самое происходит со стихами Ленского: в них появляются образы, которых нет в оригинале: сфинкс, предсказывающий будущее, лавр, символизирующий славу, кипарис – символ смерти, возлюбленная – целомудренная голубка, и др. На этот перевод, по всей видимости, оказала влияние традиция элегической поэзии, на «Песню девушек» – традиция итальянской народной культуры¹.

A. Besobrasoff

Жанровый подзаголовок перевода А. Безобразовой – «romanzo russo in versi di Puskin, tradotto in prosa italiana» (русский роман в стихах, переведенный итальянский прозой), в предисловии переводчица называет «Евгения Онегина» романом, но никаких специальных комментариев относительно жанровой дефиниции не дает.

Представляется, что авторам первых переводов была чужда рефлексия по поводу жанрового своеобразия оригинала, скорее всего, проблема жанра их не интересовала вообще (или же дело в нежелании усложнять читательское восприятие текста). Делатр определяет «Евгения Онегина» как еще одну поэму, жанровым определением романа Безобразовой становится описание принципа ее перевода: «русский роман в стихах, переведенный итальянский прозой». Так или иначе, если для переводчиков было важнее верно передать «смысл», нежели особенности поэтики оригинала как стихотворного текста, то для этой задачи в большей степени подходила прозаическая форма.

Структурная организация текста

Все элементы пушкинского текста (эпиграфы, примечания, «поэтические эквиваленты» и пр.) значимы для его структурной организации – это касается и поглавной и полной редакций, поэтому здесь необходимо вернуться к вопросу о том, к какой редакции обращались переводчики.

¹ Поиск текстов, повлиявших на эти стихотворные переводы, – в перспективе дальнейшего исследования.

Рассмотрим различия текстового состава поглавной и полных редакций.

Поглавная редакция (1825–1832 гг.): посвящение Л. Пушкину, прозаический фрагмент «Вот начало большого стихотворения...» (1825 г.), «Разговор книгопродавца с поэтом», прозаический эпиграф на французском языке, восемь глав с эпиграфами (за исключением первой главы), примечания к первому изданию первой главы.

Полная редакция (1833, 1837 гг.): прозаический эпиграф на французском языке, стихотворный эпиграф-посвящение, восемь глав в стихах (с эпиграфами), примечания Пушкина, отрывки из путешествия Онегина.

Строфы поглавной редакции, выпущенные затем в полной (1833, 1837 гг.): XXXVI четвертой главы, XXXVII, XXXVIII, XLIII пятой главы, XLVI, XLVII шестой главы.

Редакция 1838 г.: XXXVI строфа четвертой главы, XXXVII, XXXVIII, XLIII пятой главы вынесены в примечания, две последние строфы шестой главы сохранены в тексте романа.

Редакция 1855 г.: XXXVI строфа четвертой главы, XXXVII, XXXVIII, XLIII строфы пятой главы, XLVI, XLVII строфы шестой главы перенесены в примечания.

L. Delâtre

В тексте Делатра отсутствуют эпиграфы к роману, примечания Пушкина и «Отрывки из путешествия Онегина». Сохраняются эпиграфы к главам и строфы XLVI, XLVII шестой главы, однако не сохраняются XXXVI строфа четвертой и XXXVII, XXXVIII, XLIII строфы пятой глав, которые были в поглавной редакции. Наиболее вероятным представляется, что Делатр работал с редакцией 1838 г., на это указывают эпиграф к первой главе, которого в поглавных изданиях еще не было, и присутствие в тексте двух последних строф шестой главы. Что касается отсутствия эпиграфов к роману, примечаний Пушкина и «Отрывков из путешествия Онегина», по всей видимости, переводчик воспринял эти элементы как уже не имеющие отношения к «сюжету» романа и, не сознавая их значимости в общей структуре оригинала, решил не перегружать внимание читателя, не отвлекать его от «основного» текста.

Делатр разделяет прозаический текст на сегменты, не всегда совпадающие с пушкинскими строфами, и отказывается от их нумерации.

Периодически Делатр меняет последовательность повествования, предлагая свою логику, например, переносит строки X строфы пятой главы «Татьяна по совету няни / собираясь ночью ворожить» в начало IX строфы – перед встречей Татьяны с прохожим Агафоном, видимо, чтобы объяснить читателю странное поведение героини.

В переводе Делатра большое количество постраничных примечаний, которые можно разделить на следующие группы: а) этнокультурные; б) «литературные»; в) примечания, касающиеся работы переводчика над текстом. Последние две группы примечаний любопытны тем, что в некоторых из них Делатр повторяет такие пушкинские приемы (даже если сам переводчик не осознает их как приемы), как автокомментарий и включение в роман «чужих» текстов:

А.С. Пушкин: Врагов имеет в мире всяк: / Но от друзей спаси нас, Боже! [9. С. 98].

L. Delâtre: Ciascun di noi in questo mondo ha i suoi nemici; ma Dio ci liberi dagli amici*.

*Questo pensiero pare tolto da un distico trovato scritto sopra un muro dei pozzi di Venezia: «Da chi mi fido mi guardi Dio, / Di chi non mi fido mi guarderò io» [2. P. 128].

Подстрочный перевод: У каждого из нас в этом мире есть враги; но Боже, освободи нас от друзей*.

*Эта мысль кажется заимствованной из двестишия, найденного на стене венецианских колодцев: «От тех, кому я доверяю, меня защитит Бог, / От тех, кому не доверяю, я защищу себя сам».

А.С. Пушкин: Что пылких душ неосторожность / Самолюбивую ничтожность / Иль оскорбляет иль смешит [9. С. 208].

L. Delâtre: perchè l' imprudenza d' un' anima focosa o ferisce o allegria la nullità* egoistica.

* Perdonino i puristi questo neologismo [2. P. 186].

Подстрочный перевод: потому что неосторожность пылкой души или оскорбляет или веселит эгоистичную ничтожность*.

*Да простят пуристы этот неологизм.

A. Besobrasoff

В переводе Безобразовой отсутствуют эпиграфы к роману и главам, и также примечания Пушкина и «Отрывки из путешествия Онегина». Сохраняются две последние строфы шестой главы поглавной редакции. Данный перевод, по всей видимости, также был выполнен

с редакции 1838 г. На это указывает перевод восьмой строфы второй главы, в полном издании заканчивающейся строкой «что есть избранные судьбами...» (в поглавном эта строка выпущена), а также отсутствие XXXVI строфы четвертой и XXXVII, XXXVIII, XLIII строф пятой глав и наличие двух последних строф шестой главы.

Перевод, несмотря на прозаическую форму, сохраняет деление на фрагменты, содержательно соответствующие строфам оригинала, и даже «поэтические эквиваленты» – пропущенные строфы (едва ли это связано с пониманием функции данного элемента в стихотворном тексте, вероятнее – установка на буквалистскую точность). Примечания носят поясняющий характер, можно разделить их на две группы: этнокультурные и «литературные». Переводчица выносит примечания за текст.

Отсутствие значимых структурных элементов оригинала в переводе Безобразовой демонстрирует то же самое, что и их отсутствие в переводе Делатра – сосредоточение внимания переводчицы на романном «сюжете».

Лексико-стилистический уровень

Как уже было отмечено, на первом этапе знакомства с иноязычным текстом переводчики редко сконцентрированы на том, чтобы адекватно воспроизвести своеобразие эстетики и поэтики оригинала, функция ранних переводов обычно репрезентативная, знакомство читателя с явлениями другой культуры: материальными объектами, общественными отношениями, явлениями повседневной жизни. Здесь основные переводческие сложности связаны с пониманием текста и адекватной передачей лексических и фразеологических единиц, передающих национальный колорит. В переводе Делатра и Безобразовой передача реалий осуществляется следующими способами¹: а) *функциональный аналог*; б) *транскрипция*; в) *родовидовая замена*; г) *калькирование*; д) *описание*; е) *пропуск реалии*.

а) *функциональный аналог*:

извозчик – *il cocchiere* (L. Delâtre), масленица – *carnevale* (L. Delâtre, A. Besobrasoff);

¹ Классификация реалий и способов их передачи осуществляется в соответствии с классификацией, предложенной С.И. Влаховым и С.П. Флориным [10].

б) транскрипция:

самовар – samavar (A. Besobrasoff), тройка – troica (L. Delâtre);

в) родо-видовая замена:

А.С. Пушкин: Милей кошурка сердцу дев [9. С. 122].

L. Delâtre: La fanciulla vorrebbe piuttosto sentire un altro ritornello [2. P. 141].

Подстрочный перевод: Девушка больше бы хотела услышать другой напев;

А.С. Пушкин: И дедов верный капитал / Коварной двойке не вверял! [9. С. 45].

A. Besobrasoff: nè confidò a perfide carte il sicuro capitale de' suoi avi! [3. P. 42].

Подстрочный перевод: и он не доверял вероломным картам надежный капитал своих предков;

г) калькирование:

А.С. Пушкин: Кувшины с яблочной водой.

A. Besobrasoff: fiaschetti d'acqua di mele;

А.С. Пушкин: За полурусского соседа.

L. Delâtre: il signorino mezzo russo.

A. Besobrasoff: al semi-russo vicino;

д) описание:

А.С. Пушкин: Так точно старый инвалид / Охотно клонит слух прилежный / Рассказам юных усачей, / Забытый в хижине своей [9. С. 46].

L. Delâtre: Così il vecchio invalido obliato in fondo al suo tugurio, porge volentieri orecchio ai racconti dei militi novizi che tornano dalla guerra [2. P. 100].

Подстрочный перевод: Так старый инвалид, забытый в глубине своей хижины, охотно слушает рассказы солдат-новобранцев, возвращающихся с войны;

е) пропуск:

А.С. Пушкин: Вот мельница в присядку пляшет / И крыльями трещит и машет [9. С. 127].

A. Besobrasoff: un molino da vento che balla e stride e brandisce le grandi ali [3. P. 116].

Подстрочный перевод: ветряная мельница, которая танцует, скрипит и машет большими крыльями.

Выбранные способы для передачи одних и тех же реалий в переводах Делатра и Безобразовой могут быть различны:

А.С. Пушкин: блины.

L. Delâtre: le frittelle (*функциональный аналог*).

A. Besobrasoff: i blini (*транскрипция*);

А.С. Пушкин: С «Благонамеренным» в руках [9. С. 77].

L. Delâtre: col *Bene intenzionato*¹ fra mano? [2. Р. 116] (*калькирование*).

Подстрочный перевод: с *Благо намеренным* в руке?

A. Besobrasoff: con un giornale russo in mano [3. Р. 69] (*родовидовая замена*).

Подстрочный перевод: с русским журналом в руке.

Преобладающие способы в обоих переводах – функциональный аналог и транскрипция с объяснением значения слова в примечании. Иногда Делатр дает в тексте функциональный аналог, а в примечании – транскрипцию русского слова (вероятно, чтобы не перегружать читателя обилием незнакомых слов).

Помимо лексики, связанной с этнокультурной спецификой, переводческие трансформации касаются и более широкого лексического пласта. К ним относятся отклонения, связанные с непониманием текста, элиминация фрагментов оригинального текста, добавление фрагментов, не содержащихся в оригинальном тексте.

В целом отклонений, связанных с явным непониманием текста, в переводах немного. Это объясняется тем, что один перевод выполнен носителем русского языка, а второй – при помощи носителя русского языка (Делатр посвящает сборник князю Л. Чернышеву², которого сердечно благодарит за помощь в прояснении «темных мест» оригинала).

Далее представлены некоторые примеры некорректного перевода Делатра, связанного с непониманием текста:

А.С. Пушкин: на блюдечках варенье [9. С. 62].

L. Delâtre: I tortelli nei piattini [2. Р. 116].

¹ Курсив Л. Делатра. – Н.Т.

² Князь Лев Александрович Чернышев (1837–1864), флигель-адъютант, с середины 1850-х гг. находившийся на службе в русском посольстве в Риме.

Подстрочный перевод: «вареники» на блюдечках;

А.С. Пушкин: У скучной тетки Таню встречу, / К ней как-то В... подсел / И душу ей занять успел [9. С. 198].

L. Delâtre: Un certo B ***, che l'aveva veduta dalla sua fastidiosa zia, s'assiede allato alla fanciulla e cerca d' innamorarla coi suoi insulsi complimenti [2. P. 181].

Перевод: Некий В***, который увидел ее у скучной тетки, подсел к девушке и попытался очаровать ее своими плоскими комплиментами.

Также иногда переводчик путается, кому из героев принадлежат реплики в диалогах (разговор Лариной с соседом, объяснение Татьяны и Евгения в финале романа).

Элиминация фрагментов оригинального текста у Делатра эпизодична и касается заявленных в предисловии «бесполезных фрагментов, препятствующих ходу рассказа», а также некоторых реалий.

В переводе А. Безобразовой есть группа слов, которые переводчица последовательно элиминирует: сало (1, XXIII), панталоны (1, XXVI), перси, полные томленьем (1, XXXIII), брила лбы (2, XXXII), Порой белянки черноокой / Младой и свежий поцелуй (4, XXXIX), грудь (4, XLVIII), И тайна брачные постели (4, L), Как негой грудь ее полна! (7, LI). Видимо, переводчица сочла эту лексику малопривлекательной. В некоторых фрагментах перевода также можно наблюдать нейтрализацию сниженной и просторечной лексики (например, выражение «как зюзя пьяный» переведено «era ubbriaco» – «был пьян»).

В переводе А. Безобразовой отсутствуют включения фрагментов, не содержащихся в тексте оригинала (за исключением случаев описания реалий), в тексте Л. Делатра, напротив, такие фрагменты наличествуют в большом объеме, оказывая влияние на стилистику. В большинстве случаев переводчик не стремится сохранить стилистическую точность оригинала, в том числе значимые стилистические контрасты:

А.С. Пушкин: В избушке распевая, дева / Прядет [9. С. 111].

L. Delâtre: la contadinella fila e canta [2. P. 134].

Подстрочный перевод: крестьянка прядет и поет.

Не ориентируясь на пушкинскую стилистику, Делатр старается по возможности «приукрасить» нейтральную лексику, обращаясь к дополнительным средствам художественной выразительности: судьба становится «варварской» (*barbaro destino*), старушка – «беззубой» (*vecchia sdentata*), болота – «зловонными» (*fetidi pantani*) и т.д.

А.С. Пушкин: По гордой лире Альбиона [9. С. 27].

L. Delâtre: per la cetra altera d' Albione, *mia maestra e donna* (здесь и далее курсив мой. – Н.Т.) [2. Р. 89].

Подстрочный перевод: по гордой цитре Альбиона, *моей наставнице и госпоже*;

А.С. Пушкин: Хотя мы знаем, что Евгений / Издавна чтенья разлюбил [9. С. 182].

L. Delâtre: Sebbene, come sappiamo, Eugenio avesse da gran tempo rinunziato alla lettura, e *ceduto ai tarli la sua biblioteca* [2. Р. 172].

Подстрочный перевод: Хотя, как нам известно, Евгений давно забросил чтение и *уступил свою библиотеку древесным червям*;

А.С. Пушкин: Бывало, он еще в постеле: / К нему записочки несут [9. С. 8].

L. Delâtre: Talvolta, mentre era tuttora in letto *gli pioveva in camera un diluvio di bigliettini* [2. Р. 78].

Подстрочный перевод: Иногда, пока он еще был в постели, его комнату *захлестывал поток* записок.

Такой подход к тексту также вписывается в общую переводческую тенденцию эпохи: «Передавая систему смыслов автора, переводчики облекали ее в изящную словесную и логическую форму. Они не только соответствовали вкусам салонов, но и прививали вкус к изящной словесности массовому читателю» [11. С. 128].

Итак, коротко охарактеризуем первые переводы:

L. Delâtre

Перевод стихов прозой, перестановка фрагментов внутри текста, редукция «бесполезных фрагментов» (в том числе значимых структурных элементов оригинала), добавление примечаний, замена русских реалий итальянскими эквивалентами обнаруживают установку на большую ясность и легкость восприятия. Изменение стилистики оригинала, ориентация на итальянскую культурную традицию (сти-

хотворные фрагменты) говорят об идентификации иноязычного произведения через призму своей культуры, соотнесение с собственными литературной и переводческой традициями.

Все вышеперечисленное – признаки адаптации, ориентации на читателя малоподготовленного, не знакомого с чужой культурой. Делатра действует в рамках исторически обусловленных норм практики перевода, задача которого на данном этапе – приблизить оригинал к читателю, облегчить его знакомство с инокультурным текстом.

A. Besobrasoff

С одной стороны, сосредоточение на «сюжете», поиск итальянских эквивалентов, добавление примечаний и описаний – характеристики адаптирующей переводческой стратегии, исторически обусловленной. С другой – буквалистский перевод¹, стилистическая нейтрализация, элиминация специфической группы «бесполезных фрагментов», скорее, являются характеристиками индивидуальной рецепции переводчицы, вероятно, обусловленными «строгой чистотой нравов», присущей дамам благородного сословия (над которой иронизировал в романе Пушкин), а также ученической целью перевода, стремлением автора «поупражняться в прекрасном итальянском языке».

Любопытным представляется, что первые переводы не вызвали особого отклика итальянской критики. Должно быть, в сознании итальянской публики все еще была сильна установка Бочеллы о «Евгении Онегине» как о «живописании нравов провинции», которое не может быть интересно за пределами России, а значит, и переводы его не заслуживают внимания. Оценка романа в стихах начинает меняться только к концу XIX в.: в 1884 г. Т. Карлетти называет пушкинский роман «шедевром»² (цит. по: [12. Р. 208]), а в 1889 г. Д. Чамполи – «величайшей поэмой»³ (цит. по: [12. Р. 208]).

¹ Перевод до такой степени точно следует оригиналу, что даже слова из сонника «бор, буря, ведьма, ель / Еж, мрак, мосток, медведь, метель» Безобразова переводит буквально, не пытаясь сохранить азбучный порядок: *selva, tempesta, corvo, abete, riccio, tenebre, ponticello, orso, polvere nevosa* (ср. у Делатра: *abete, bosco, burrasca, neve, orlo, oscurità, ponte, turbine*).

² Ит. “*il capolavoro di Puškin*”.

³ Ит. “*massima poema*”.

Интерес к переводу Делатра обнаруживает спустя пятьдесят лет после его публикации следующий переводчик романа Джузеппе Кассоне. Он упоминает о своем предшественнике в предисловии и явно ориентируется на перевод Делатра, потому что повторяет некоторые его переводческие ошибки (например, «i tortelli»). Примечательно, что Кассоне вовсе не упоминает перевод Безобразовой, скорее всего, он был известен слишком узкому кругу читателей.

Таким образом, переводы Л. Делатра и А. Безобразовой не оказали заметного влияния на формирование представления о пушкинском романе в стихах в Италии на раннем этапе. Появление первых итальянских переводов «Евгения Онегина» – скорее случайность, чем закономерность, обусловленная не «запросом» принимающей культуры, а личным интересом к роману переводчиков: француза, знакомого с П.А. Вяземским, и русской дворянки. Подтверждением этому может служить и дата следующего перевода – он появляется только в 1906 г.

Список источников

1. *Ласорса К.* Первый этап знакомства с Пушкиным в Италии (1828–1856) // Русская литература. 1970. № 4. С. 95–105.
2. *Delâtre L.* Racconti poetici di Alessandro Puschin poeta russo, tradotti da Luigi Delâtre. Firenze : Felice le Monnier, 1856. 243 p.
3. *Besobrasoff A.* Eugenio Oneghin. Romanzo russo in versi di Puskin, tradotto in prosa italiana dalla signora A.B. Nizza : Tipografia Caisson e compagni, 1858. 227 p.
4. *Boccella C.* I quattro poemi maggiori di Alessandro Pouschkine tradotti da Cesare Boccella. Pisa : Co' caratteri di Didrot, 1841. 129 p.
5. *Прождогин Н.П.* Переводчик Пушкина Чезаре Боччелла // Временник Пушкинской комиссии, 1978. Л. : Наука, 1981. С. 60–75. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v81/v81-060-.htm>
6. *Прождогин Н.П.* Кто помогал Боччелле переводить Пушкина? // Временник Пушкинской комиссии, 1980. Л. : Наука, 1983. С. 142–144. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v83/v83-142-.htm>
7. *Montazio E.* Biografia di Alessandro Pouschkin // Mondo contemporaneo. 1842. № 3. Р. 309–344.
8. *Потапова З.М.* Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX в. М. : Наука, 1973. 286 с.
9. Сочинения Александра Пушкина : в 11 т. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг, 1838. Т. 1. 440 с.
10. *Влахов С.И.* Непереводимое в переводе. М. : Высшая школа, 1986. 416 с.

11. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 542 с.
12. Böhmig M. La fortuna di Puškin in Italia. Sulla traccia delle traduzioni italiane // Aleksandr Sergeevič Puškin nel 2° centenario della nascita. Atti del convegno internazionale (Milano 3–4 giugno 1999). Milano : Istituto Lombardo – Accademia di scienze e lettere, 2004. P. 203–225.

References

1. Lasorsa, C. (1970) Pervyy etap znakovstva s Pushkinym v Italii (1828–1856) [The first stage of acquaintance with Pushkin in Italy (1828–1856)]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 95–105.
2. Delâtre, L. (1856) *Racconti poetici di Alessandro Puschin poeta russo, tradotti da Luigi Delâtre*. Firenze: Felice le Monnier.
3. Besobrasoff, A. (1858) *Eugenio Oneghin. Romanzo russo in versi di Pusckin, tradotto in prosa italiana dalla signa A.B. Nizza*: Tipografia Caisson e compagni.
4. Boccella, C. (1841) *I quattro poemi maggiori di Alessandro Pouschkine tradotti da Cesare Boccella*. Pisa: Co' caratteri di Didrot.
5. Prozhogin, N.P. (1981) Perevodchik Pushkina Chezare Bochchella [Pushkin's translator Cesare Boccella]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Vremennik Pushkinskoy komissii, 1978* [Vremennik of the Pushkin Commission, 1978]. Leningrad: Nauka. pp. 60–75. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v81/v81-060-.htm>
6. Prozhogin, N.P. (1983) Kto pomogal Boichelle perevodit' Pushkina? [Who helped Boccella translate Pushkin?]. In: Alekseev, M.P. & Fomichev, S.A. (eds) *Vremennik Pushkinskoy komissii, 1980* [Vremennik of the Pushkin Commission, 1980]. Leningrad: Nauka. pp. 142–144. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v83/v83-142-.htm>
7. Montazio, E. (1842) Biografia di Alessandro Pouschkin. *Mondo contemporaneo*. 3. pp. 309–344.
8. Potapova, Z.M. (1973) *Russko-ital'yanskije literaturnye svyazi. Vtoraya polovina XIX v.* [Russian-Italian Literary Relations. The Second Half of the 19th Century]. Moscow: Nauk.
9. Pushkin, A.S. (1838) *Sochineniya: V 11 t.* [Works: in 11 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya Gos. bumag.
10. Vlahov, S.I. (1986) *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. Moscow: Vysshaya shkola.
11. Garbovskiy, N.K. (2004) *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow: Moscow State University.
12. Böhmig, M. (2004) La fortuna di Puškin in Italia. Sulla traccia delle traduzioni italiane. *Aleksandr Sergeevič Puškin nel 2° centenario della nascita*. Atti del convegno internazionale (Milano 3–4 giugno 1999). Milano: Istituto Lombardo – Accademia di scienze e lettere. pp. 203–225.

Информация об авторе:

Тик Н.А. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tiknataly@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Tik, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tiknataly@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 02.03.2022.

The article was accepted for publication 02.03.2022.